

ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 821.161.1'42
doi 10.17072/2073-6681-2024-3-111-119
<https://elibrary.ru/remmmg>

EDN REMMMG

«По образованию я историк...». История в научном, публицистическом и художественном дискурсах Владимира Шарова

Абашева Марина Петровна

д. филол. н., профессор кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий
профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. m.abasheva@gmail.com

профессор кафедры теории, истории литературы и методики преподавания литературы
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Сибирская, 24

SPIN-код: 2169-4629

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5720-7916>

Киосе Оксана Афанасьевна

ст. преподаватель кафедры иностранных языков и связей с общественностью

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

614990, Россия, г. Пермь, Комсомольский просп., 29. oks_kiose@mail.ru

аспирант кафедры теории, истории литературы и методики преподавания литературы

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Сибирская, 24

SPIN-код: 9500-1929

ResearcherID: P-8012-2016

Статья поступила в редакцию 12.04.2024

Одобрена после рецензирования 07.05.2024

Принята к публикации 06.06.2024

Информация для цитирования

Абашева М. П., Киосе О. А. «По образованию я историк...». История в научном, публицистическом и художественном дискурсах Владимира Шарова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16, вып. 3. С. 111–119. doi 10.17072/2073-6681-2024-3-111-119

Аннотация. Рассматриваются истоки формирования историософской концепции российского прозаика Владимира Шарова. Выявляются принципы обработки и репрезентации исторического материала в его научных работах (впервые подробно рассмотрена кандидатская диссертация), в публицистике, в романах. Дискурсивный и нарратологический анализ текстов писателя показал, что уже в диссертации, целью которой было историографическое исследование наследия историка С. Ф. Платонова, формируются взгляды Шарова-мыслителя и намечаются приемы Шарова-писателя: тяготение

к проблематике Смутного времени, установка на использование в качестве источников частных свидетельств и литературных текстов. В публицистических статьях Шарова происходит концептуализация и масштабирование опыта научного исторического исследования: Смутное время рассматривается как инвариант иных российских смут, революции и смены власти трактуются как повторяющиеся закономерности, исторические события осмысляются в логике религиозных, социальных, политических констант российской ментальности. В романах Шарова эти концепции становятся фоном и отправной точкой для разворачивания художественных метафор, фантастических допущений и, в итоге, глубоких прозрений писателя. Изучение фикциональных текстов Шарова приводит к выводу о доминировании в его прозе метанарративов мессианизма, эсхатологии, провиденциальности пути России, цикличности ее истории. Делается вывод о решающей роли исторического исследовательского опыта Шарова в становлении его художественного метода, о механизмах трансформации исторического дискурса в фикциональный, о характере историсофской концепции Шарова, укорененной в отечественной культуре, но имеющей собственную специфику.

Ключевые слова: историсофия; Владимир Шаров; современная литература; нарративная организация художественного текста.

Владимир Шаров (1952–2018) – один из самых значительных современных российских писателей, автор романов «След в след: Хроника одного рода в мыслях, комментариях и основных датах» (1991), «Репетиции» (1992), «Старая девочка» (1998), «Возвращение в Египет» (2013), «Царство Агамемнона» (2018), книг публицистики «Искушение революцией» (2009), «Перекрестное опыление» (2018). Лауреат литературных премий «Русский Букер» и «Большая книга» (2008 и 2014).

В формировании художественной концепции писателя большое значение имеет то обстоятельство, что Шаров – профессиональный историк. Еще не будучи писателем, Шаров окончил исторический факультет Воронежского университета, аспирантуру в Московском государственном историко-архивном институте, написал кандидатскую диссертацию «Проблемы социальной и политической истории России второй половины XVI – начала XVII веков в трудах С. Ф. Платонова» в 1984 г. Писатель говорил о себе: «По образованию я историк, много лет занимался русской медиэвистикой – опричниной и Смутным временем, то есть второй половиной XVI – началом XVII века» [Березин 2020].

О роли профессионального знания в художественных текстах Шарова писали некоторые исследователи его творчества. А. Эткинд в статье «Владимир Шаров как историк» сопоставляет художественные тексты автора с его научными взглядами. Исследователь отмечает, что большинство рассказчиков у Шарова – историки, подчеркивает характер нарратора в романах Шарова и общую направленность его историографического нарратива. Заметим, что на деле этот нарратив оказывается, как правило, квазиисторическим, поскольку в романах Шарова всегда существуют множество нарраторов, часть из которых можно считать, скорее, ненадежными.

А. Эткинд исследовал также истоки интереса Шарова к истории: влияние учителя историка Александра Немировского, судьбы семьи Шарова, попавшей в жернова сталинского террора, опыта отца-писателя, прошедшего лагерь. Исследователь отмечает и роль академических занятий писателя историей: «В замысловатых сюжетах Шарова переплетаются несколько повторяющихся линий, которые, будто в кандидатской диссертации по истории, соединяют источники, метод, предмет и содержание» [Эткинд 2020: 170].

Исследователь А. Дмитриев рассматривает интерес Шарова к историографии С. Ф. Платонова как фактор, формирующий взгляды писателя. Автор статьи отмечает, что одной из самых главных идей, влияющих на творчество Шарова, была концепция понимания истории России, впервые сформулированная именно С. Ф. Платоновым, который одним из первых построил Смуту в логику истории России и показал, что этот период не был привязан к Ивану Грозному, а случился бы и при другом правителе. Кроме того, Платонов утверждал, что Смута повлияла на весь ход последующей истории страны [Дмитриев 2020]. В свою очередь М. Липовецкий исследует содержание исторической концепции Шарова-романиста, выявляя основные ее элементы, основанные на осмыслении «религиозного метанарратива русской революции» [Липовецкий 2020: 183].

Учитывая эти наблюдения, в настоящей работе мы видим своей целью подробнее проследить связь художественного метода Шарова с теми научными взглядами, что сформировались в начале его пути, в кандидатской диссертации, ввести в научный оборот идеи диссертационного исследования Шарова. Кроме того, очевидно, что между научными работами В. Шарова («Психология русской истории» (1990), «Опричнина» (1991) и др.) и его романами есть опосредующее

звено – его публицистические статьи. Большинство статей были опубликованы в журнале «Знания» в разные годы, а позже статьи собраны в два сборника эссе «Искушение революцией» (2009) и «Перекрестное опыление» (2018). Установить связи в трех различных дискурсах Шарова об истории – научном, публицистическом, художественном – важная задача, которую невозможно решить в рамках одной статьи. Однако представляется возможным прочертить основные линии взаимодействия этих дискурсов. Наши наблюдения показали, что в романах и эссе Владимира Шарова в образной форме претворяются несколько ключевых идей и концепций, некоторые из которых берут начало еще в диссертации автора.

Формирование исторического мировоззрения в диссертации Владимира Шарова

В 1984 г. Владимир Шаров защитил диссертацию «Проблемы социальной и политической истории России второй половины XVI – начала XVII вв. в трудах С. Ф. Платонова» под руководством доктора исторических наук (с 1989), советского историка, специалиста по истории исторической науки В. А. Муравьева. Выбор темы, при всей академичности, был отчасти новаторским. А. Дмитриев отметил, что в 1980-е гг. имя Платонова, не обласканного советской властью, было почти забыто: «Обращение к Платонову было выбором нетривиальным и отчасти рискованным. Хотя главную книгу опального академика о Смутном времени переиздали в 1937 году(!), сам историк оставался для советских историографов авторитетом весьма сомнительным» [Дмитриев 2020: 201].

Диссертация Владимира Шарова – историографического характера. Она посвящена анализу работ Сергея Федоровича Платонова. С. Ф. Платонов (1860–1933) – профессор, член Академии наук, директор Археологического института, глава Петроградского отделения Главархива (1918–1923). Главным научным интересом С. Ф. Платонова был период Смутного времени в России. В 1890 г. он был награжден Уваровской премией за работу «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века, как исторический источник» (1888). Известный российский ученый С. О. Шмидт отмечал влияние работ С. Ф. Платонова на исследования современных историков: «докторская диссертация Платонова и по сей день остается первоосновой знаний о России второй половины XVI – начала XVII вв.» [Шмидт 2000: 109].

Наиболее значимым для В. Шарова оказался сам факт обращения к истории Смутного времени. В воспоминаниях, опубликованных в сборнике «Перекрестное опыление» (2018), писатель признавался, что интерес к опричнине и Смутному времени у него возник именно в период работы над диссертацией и в дальнейшем она наложила отпечаток на все его творчество: «Двенадцать лет Смуты, когда все, от первого до последнего, бесчисленное число раз продавали, предавали друг друга, прошлись по русской истории огнем и мечом, и я понимал, что страна, которая вышла из Смуты, была совсем не той, что в нее вошла» [Шаров 2018: 43]. Жена Шарова Ольга Дунаевская в воспоминаниях подтверждает, что именно аспирантура повлияла на дальнейшие интересы Шарова, которая, по ее мнению, дала «новаторскую теорию опричнины Ивана Грозного, основной массив исторических идей, саму возможность сосредоточиться на прозе и романы “След в след” и “Репетиции”» [Дунаевская 2020: 10].

В диссертационном исследовании среди задач работы автором были отмечены следующие: воссоздание научной биографии С. Ф. Платонова, определение мировоззрения историка сквозь призму изучения им одного из спорных периодов русской истории. Шаров по законам жанра диссертации обозначает, каких результатов удалось достичь ее автору. Автор выявил: «1. круг учителей С. Ф. Платонова; 2. круг историков, наиболее близких к Платонову; 3. формирование исторических интересов и взглядов С. Ф. Платонова; 4. отношение к политике и к партиям вообще и влияние политической истории России на его научные интересы» [Шаров 1984: 27].

Шаров, судя по тексту диссертации, исследовал большой объем архивных материалов: это воспоминания С. Ф. Платонова (журнал «Дела и дни» 1921), автобиография историка (журнал «Огонёк» 1927), фонд писем С. Ф. Платонова (24 000 писем, 300 из которых были от него, а не от корреспондентов), монографические работы автора¹, статьи, учебники, курсы лекций, доклады и тексты выступлений, рецензии, отзывы и др. [там же].

Но важнее всего те источники, к которым обращается Шаров вслед за Платоновым. Базой источников С. Ф. Платонова были литературные памятники XVI–XVII вв. «Историку древнерусские сказания о смуте могут служить или своєю фактическою стороною, или теми взглядами на события, какие в них высказаны», – писал Платонов [Платонов 1888: 343].

Нам представляется, что Шаров усвоил сам подход Платонова (нетривиальный для того времени) к изучению исторических событий. Этот подход состоял в тщательном сборе и анализе не только исторических документов, но и литературных произведений.

Еще один важный момент – внимание Шарова к эпистолярию изучаемого ученого. В процессе исследования биографии и мировоззрения С. Ф. Платонова Шаров обращается к архиву переписки историка. Большинство писем из архива представляют собой деловую переписку и являются письмами Платонову, а не от него. Но именно из характера этих писем исследователь восстанавливает облик ученого, как его видели современники: «Характер обращения корреспондентов к Платонову, характер просьб, общий тон писем, объем переписки, посвященный решению конкретного вопроса, позволяют достаточно четко уловить то, как воспринимали Платонова его современники» [Шаров 1984: 49].

Усвоенный в процессе научной работы подход к изучению исторических событий через призму взглядов современников, внимание к переписке и жанрам научного исследования продолжили влиять и на последующее творчество Владимира Шарова. Все романы Шарова представляют собой подчеркнута нарративные конструкции с обозначением нарраторов. Нередко романы Шарова построены как переписка нескольких нарраторов. Роман «Возвращение в Египет» представляет собой семейную переписку, которую повествователь якобы обнаружил в «Народном архиве»: «Сразу должен сказать: нынешняя публикация составила не из самих писем, а из цитат, в сущности, просто выписок, которые я делал по ходу чтения, и уже по одному этому отношения к научной она не имеет. <...> единственное назначение работы – привлечь внимание к ценному семейному фонду, который с недавних пор сделался доступен» [Шаров 2013: 12].

Нередко мы видим в произведениях Шарова следы интереса к тем фигурам истории, которые интересовали С. Ф. Платонова. Например, патриарх Никон интересует как С. Ф. Платонова, так и В. Шарова – в романе «Репетиции» он становится одним из главных героев.

Однако самое важное, что получил Шаров-писатель от Шарова-историка, заключается в том, что изучение Смутного времени дало Шарову универсальную метафору, которая легла в основу его понимания русской истории. Уже в диссертации тридцатидвухлетний Шаров характеризует эпоху Смуты как ключевую в истории России: «Эта эпоха была переломной в истории

феодальной России. Это время – узел русской истории» [Шаров 1984: 9].

Примечательно, что само понятие «узел истории» встречается у С. Ф. Платонова в работе «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени»: «Мне представляется, что это время (“смутное время”) является историческим узлом, связывающим старую Русь с новой Россией. Естественно казалось взяться прежде всего за этот узел и потом, держась за путеводные нити, расходящиеся из этого узла, или восходить к древнейшей эпохе, или спускаться в новые времена» [Платонов 1888: 17].

Собственно, задачу поиска «путеводных нитей» выполнил и Шаров, но уже в публицистике и романах. В диссертации он связывает события Смутного времени и недавнее прошлое: «События “смутного времени” были чрезвычайно актуальны для рубежа XIX–XX вв. Назревающая в России революция рассматривалась многими буржуазными историками как “смутное время”. “Смута” понималась как политический и социальный катаклизм» [Шаров 1984: 10].

Публицистика Владимира Шарова: развитие идей

Научные статьи Шарова, перечисленные в автореферате его диссертации, посвящены осмыслению событий Смутного времени, правления царя Ивана Грозного, но в них всегда есть связь с событиями более поздней истории. В статье «Психология русской истории» (1990) Шаров сопоставляет правление А. Боголюбского, И. Грозного, Петра I, И. Сталина – периоды абсолютизма. В работе «Опричнина» (1991) Шаров представляет концепцию опричнины И. Грозного как военно-монашеского ордена, созданного по принципу Ливонского ордена для подготовки к правлению Ливонией после ожидаемой победы в войне.

В публицистических статьях Шаров идет дальше, чем в диссертации. Эти сборники воспринимаются как его целостная концепция истории. Исследовательница творчества Шарова Кэрил Эмерсон, например, видит в сборниках эссе писателя «точку зрения Шарова на русскую историю как <...> околдовывающую людей своей “повторяемостью, предсказуемостью, необратимостью закономерностью”» (перевод наш. – М. А., О. К.) [Emerson 2019: 598].

«Собирая “Искушение революцией” (сборник эссе 2009), пишет Шаров, – я в очередной раз убедился, что число тем в русской истории, которые меня занимали, достаточно ограничено» [Шаров 2009: 3]. В эссе «Записи деда» Шаров замечает, что революции 1905 и 1917 годов ви-

делись русской властью тем же Смутным временем: «Задолго до революций 1905 и 1917 годов все знали, что будет революция, все знали, какая она будет. Тема Смуты была самой популярной в русской историографии, отсылка к Смуте, сопоставления со Смутой, терминология Смуты – все это встречается везде (газеты, публицистика, исторические труды). Более того, признавало это и правительство и даже готовило тот класс, который в Смуту спас Россию. Столыпин пытался после революции 1905 года создать такого же северного мужика в Сибири, частного собственника, эмансипированного от бюрократии и от общины, и почти преуспел – Сибирь наряду с Доном и Северным Кавказом стала главной базой “белого” движения. Но здесь история России отошла от своего внешнего дублирования (революция победила), чтобы через двадцать лет перейти к дублированию внутреннему – что главное» [Шаров 2009: 103].

Революции Шаров рассматривает как следствие глубинного раскола общества, изначально заложенного в период русского религиозного раскола XVII в. Именно это событие Шаров рассматривает как центральную точку, определившую все «смутные времена» в истории. В статье «Октябрь семнадцатого года и конец истории» (2018) Шаров пишет о расколе: «Во время этого раскола две половины общества очень честно и очень страшно поделили между собой все то понимание Бога и мира, которое Россия успела накопить за шесть с половиной веков после крещения» [Шаров 2018: 160]. Вскоре после разделения православных верующих, то есть раскола, синодальная церковь объявила староверов еретиками и схизматиками, а староверы признали церковь и власть безблагодатными, и это значит, что теперь Русью правит антихрист. Здесь и появилась та пропасть между двумя частями русского православного общества, которую ни соединить, ни зарастить больше не смогли. Шаров отмечает, что все последующие поколения бунтовщиков и революционеров выходили из оппозиционной, раскольничьей среды: «[Староверы] свой взгляд на тех, кто их мучил и убивал, свели в три положения (о безблагодатности власти Романовых, Синодальной церкви и таинств, совершаемых церковью). Два с половиной века спустя каждое слово этих положений с восторгом переймут, объявят своими большевики и те, кто за ними пойдет. Для власти не в меньшей степени, чем учение Маркса, они станут основой легитимности всего, что будет происходить в стране после революции» [Шаров 2018: 161]. И здесь Шаров продолжает мысль С. Ф. Платонова, писавшего о

том, что в раскольничьей среде в начале XVIII в. выросло убеждение, что Петр I антихрист, потому что гонит православие, «разрушает веру христианскую»: «Он не государь – латыш; поста никакого не имеет; он льстец, антихрист, рожден от нечистой девицы» [Платонов 1993: 533].

Владимира Шарова в расколе больше интересуют староверы: «Религиозное возрождение взяли себе староверы, дополнив истовость, непреложность веры и глубину раскаяния убеждением в необходимости, обязательности – если впрямь ждешь Спасителя – твоих собственных страстей, соразмерных Его крестной муке, страстей, которые однажды окажутся выше человеческих сил» [Шаров 2018: 161].

Историософские идеи, сформулированные Владимиром Шаровым в научных и публицистических текстах, воспроизводят циклическую систему развития истории России. По Шарову, в основе российской истории лежат две религиозные идеи: эсхатологическая и мессианская. Еще в диссертационном исследовании автор обнаруживает основные причины для развития этих идей. Он полагает, что мессианство связано с наследием Иерусалима: «ко времени же Грозного готовы были и все те политические теории, которые провозгласили Москву “новым Израилем”, а московского государя “царем православия”» [Шаров 1984: 97]. Эсхатологизм он связывает с православием, ожиданием конца правления антихриста на земле и наступлением Второго пришествия, антихристом же представлялся царь в том случае, если его переставал сопровождать успех (проигрывались войны, наступал голод в стране и т. д.).

В публицистике, таким образом, Шаров устанавливает причины исторических катаклизмов в России. Мессианская идея стала корнем всех революций в России, самой крупной и значимой из которых стал Церковный раскол XVII в., эсхатологическая идея заложила неизбежность революций после раскола XVII в.

На наш взгляд, эти основные положения историософии Шарова легли и в основу романов автора.

Романы: авторская историософия

Во время обучения в аспирантуре и подготовки диссертации Владимир Шаров написал два романа: «След в след» (1991) и «Репетиции» (1992).

Обратимся к роману «Репетиции» в поисках «следов» подхода Шарова – профессионального историка и его публицистических идей. Сюжет романа представляет собой невероятное предположение, фантастичность которого «маскирует»

ся» у Шарова, кроме прочего, излюбленной им формой «свидетельств» – воспоминаний-дневников. Роман основан на дневниках Жака де Сертана (французского комедиографа и владельца кочевой театральной труппы, постановщика мистерий), взятого в плен во Франции в XVII в. и привезенного в Россию. Шаровский Сертан живет на попечении патриарха Никона в его Новом Иерусалиме, который строился вблизи Москвы по образу Иерусалимского храма, где родился Иисус Христос. Задача строительства – подготовить место для прихода Христа, задача Сертана – поставить мистерию о жизни Христа. Жители Нового Иерусалима играют под руководством Сертана мистерию, участвуют в репетициях с четким распределением ролей. Не занята только роль Христа – он должен был, по задумке Никона, сам прийти в нужный момент, когда все подготовлено – и Новый Иерусалим достроен, и ритуал встречи отрепетирован. Однако Никон попадает в немилость царю Алексею, и после смерти Никона Сертан и его труппа сосланы в Сибирь, а Новый Иерусалим остается недостроенным.

Однако вся труппа привыкла жить по законам мистерии, все уверены, что Христос придет, а им нужно всегда быть готовыми: «Для них это и не роли, а их жизнь, их миссия, то, что им суждено и предназначено» [Шаров 1992: 51]. По настоянию апостолов Сертан подряд, без изъятий, переводил и диктовал им дневниковые записи, касающиеся постановки, чтобы, если он умрет, «они и без него могли продолжить репетиции и, когда придет время, сыграть сделанную им постановку такой, какой он ее задумал» [там же: 73].

В романе рассказывается, как все новые поколения живущих вокруг Нового Иерусалима год за годом, век за веком разучивают роли в мистерии о явлении Христа. Однако случается так, что те, кто играл христиан, ссорятся с теми, кто играл роли иудеев. Первые уничтожают вторых. В деревне основывают лагерь ГУЛАГа, «апостолы» становятся его комендантами и продолжают репетиции под видом атеистической пропаганды.

Мистерия игралась в течение нескольких веков – до середины XX в., пока не изменилось понимание слова Христа и не были убиты все наследники тех, кто начинал играть в спектакле-мистерии. Исполнители ролей в XX в. продолжали привычное занятие, и на этапе, и в лагерях каждый играл свою роль: евреи, римляне, волхвы, ученики Христа и т. д. Апостолы стали начальниками лагерей, христиане – охранниками лагеря, евреи, авелиты и римляне – лагерными заключенными. Репетиции продолжались, евреи

раз в 40 лет уходили из лагерей, часть из них возвращалась, а часть погибала в пути.

Репетиции завершились только тогда, когда христиане во главе с апостолами – руководителями лагерей – признали, что Христос не придет к ним, пока живы евреи: «Так было всегда, и проходило немало лет, прежде чем апостолы, день за днем повторяющие слова, которыми они встретят мессию, понимали, что Христу надо от них другого, репетиции – зряшний труд, никому они не нужны: Христос не придет к ним, сколько бы они их ни повторяли» [там же: 114]. Евреям удавалось каждый раз вымалывать жизнь и спасение у Христа. В итоге обманом участники мистерии всё же убивают евреев, но остается в живых один маленький мальчик, которому удастся спастись. Иисус так и не приходит на землю, а мальчик-еврей и есть тот, кто передает повествователю дневник Сертана и его продолжение от участников постановок.

Таким образом, один из первых романов Шарова демонстрирует его художественный метод и основные идеи, которые будут прорабатываться в следующих текстах. «Русский узел» Смутного времени автор знает со времен своей диссертации, но рассматривает его как инвариант будущих смутных времен. Смысл разыгрывания мистерии близ Нового Иерусалима в том, чтобы основать Новый Израиль, новый Орден, подобно Ливонскому, утвердить русских как новый богоизбранный народ. Политика здесь сращена с религией, библейские сюжеты прочитываются с поправкой на национальную специфику. У Шарова средневековая мистерия, воплощенный ритуал, воссоздает «вечное возвращение», эффект повторяемости и цикличности русской истории. Ритуал поглощает различия эпох и порождает содержание новых – оно покорно принимается народом. Эти идеи у Шарова поданы как (квази)исторические свидетельства. Повествование строится на нескольких крупных текстах: воспоминаниях-дневниках участников постановок мистерий из Священного Писания (истории от Рождества Христа до Его крестной муки и Воскресения), а также на дневнике Жака де Сертана.

Позиция Шарова-исследователя далека от позиции Шарова-писателя, однако вторая, как мы убедились, является продолжением первой во многих значимых аспектах.

Роман «Репетиции», кроме того, продемонстрировал смещение интереса писателя к современности. Средневековые остались для Шарова предметом научного интереса, писательский же интерес связан с более близким к нам временем. «Писать прозу, так или иначе касающуюся того

времени, меня в общем и целом не тянет. От тех лет если кто до нас и дошел живым, то лишь сильные мира сего, а так осталась одна “канва”; настоящая же “вышивка” со всеми своими деталями и подробностями, со всеми своими человеческими судьбами канула в небытие. В общем, мое время – это последние полтора века нашей жизни, и о древних русичах я писать не дерзаю» [Шаров 2018: 129].

Итак, можно говорить о том, что ключевые особенности мышления и поэтики Шарова во многом обусловлены началом его пути. Работа аспиранта в библиотеках и архивах, помимо знания конкретного исторического материала, породила формы композиционной организации произведений: в романе «След в след» (1991) главный герой – историк, исследует архивные папки с дневниками своей семьи, в романе «Репетиции» (1992) главный герой изучает дневники Сертана и других участников постановки. Навык изучения письменных личных источников стимулировал формы повествовательной организации: роман «Возвращение в Египет» (2013) представлен в форме отрывков из писем членов семьи главного героя Коли Гоголя (Второго), роман «Царство Агамемнона» (2018) построен в форме дневниковых записей и вставных статей, которые пишет главный герой Глеб.

Но главное, что дал прозе Шарова опыт Шарова-историка, – это понимание Смутного времени как узла, движущего русскую историю в разные ее периоды по одной логике (это понимание сложилось в ходе работы над диссертацией о С. Ф. Платонове). Именно эта концепция подтолкнула писателя к обобщающим идеям его публицистики, а далее – к поиску универсальных моделей даже не историософского, а метаисториософского романа. Мы считаем, что его романы – это «историософия в квадрате – то есть составленная из иных, уже существующих в российской мысли историософий; метаисториософия, складывающаяся на материале национальных мифов российского общественного и народного сознания» [Абашева, Киосе 2021: 4]. Думается, изучение прозы Шарова невозможно без учета опыта Шарова как ученого, как историка, а его историософские концепции нуждаются в изучении в контексте истории идей.

Список литературы

Абашева М. П., Киосе О. А. Метаисториософский роман Владимира Шарова «Возвращение в Египет» // Литература в контексте современности: сб. материалов XIII Всерос. науч.-метод. конф. с междунар. участием (г. Челябинск, 10 ок-

тября 2021 г.). Челябинск: Библиотека А. Миллера, 2021. С. 3–8.

Березин В. В реке времени // Владимир Шаров: По ту сторону истории. Сборник статей и материалов / под ред. М. Липовецкого; А. де ля Фортель. М.: Новое литературное обозрение (Научная библиотека), 2020. С. 77–87.

Дмитриев А. Между двух Платоновых, или Наука «Данного иного» // Владимир Шаров: По ту сторону истории. Сборник статей и материалов / под ред. М. Липовецкого; А. де ля Фортель. М.: Новое литературное обозрение (Научная библиотека), 2020. С. 200–210.

Дунаевская О. Когда часы остановились // Владимир Шаров: По ту сторону истории. Сборник статей и материалов / под ред. М. Липовецкого; А. де ля Фортель. М.: Новое литературное обозрение (Научная библиотека), 2020. С. 9–22.

Липовецкий М. Теология террора: исторический метасюжет в романах Шарова // Владимир Шаров: По ту сторону истории. Сборник статей и материалов / под ред. М. Липовецкого; А. де ля Фортель. СПб.: Новое литературное обозрение (Научная библиотека), 2020. С. 177–199.

Платонов С. Ф. Лекции по русской истории / вступ. ст. А. Н. Фукса. М.: Высш. шк., 1993. 736 с. (Историческое наследие)

Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. М.: Типография В. С. Балашева, 1888. 372 с.

Шаров В. А. Искушение революцией (русская верховная власть): эссе. М., 2009. 240 с.

Шаров В. А. Октябрь семнадцатого и конец истории // (Первая публикация: Знамя. 2018. № 6) Перекрестное опыление. АрсисБукс», 2018. С. 77–93.

Шаров В. А. Проблемы социальной и политической истории России второй половины XVI – начала XVII вв. в трудах С. Ф. Платонова: дис. ... канд. ист. наук. М., 1984. 179 с.

Шаров В. А. Репетиции. М.: АСТ, 1992. 134 с. (Неисторический роман)

Шаров В. А. Возвращение в Египет. М.: АСТ, 2013. 759 с.

Шаров В. А. Перекрестное опыление. М.: АрсисБукс, 2018. 109 с.

Шмидт С. О. Сергей Федорович Платонов // Портреты историков: Время и судьбы: в 2 т. М.: Иерусалим, 2000. Т. 1. Отечественная история. С. 100–135.

Эткинд А. Владимир Шаров как историк // Владимир Шаров: По ту сторону истории // Сборник «НЛЮ» (Научная библиотека). М., 2020. С. 164–176.

Emerson C. Vladimir Sharov on History, Memoir, and a Metaphysics of Ends // *Slavic and East European Journal*. 2019. № 63.4. P. 597–607.

References

- Abasheva M. P., Kiose O. A. Metaistoriosofskiy roman Vladimira Sharova 'Vozvrashchenie v Egipt' [Meta-historiosophic novel 'Return to Egypt' by Vladimir Sharov]. *Literatura v kontekste sovremenosti: Sbornik materialov XIII Vserossiyskoy nauchno-metodicheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (Chelyabinsk, 10 oktyabrya 2021)* [Literature in the Context of Modernity: Proceedings of XIII All-Russian Scientific and Methodological Conference with International Participation (Chelyabinsk, October 10, 2021)]. Chelyabinsk, Library of A. Miller Publ., 2021, pp. 3–8. (In Russ.)
- Berezin V. V reke vremeni [In the river of time]. *Vladimir Sharov: Po tu storonu istorii* [Vladimir Sharov: On the Other Side of History]: a collection of articles and materials. Ed. by M. Lipovetsky, A. de La Fortelle. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie (Nauchnaya biblioteka) Publ., 2020, pp. 77–87. (In Russ.)
- Dmitriev A. Mezhdv dvukh Platonovykh, ili nauka 'Dannogo inogo' [Between two Platonovs, or the science of the 'given other']. *Vladimir Sharov: Po tu storonu istorii* [Vladimir Sharov: On the Other Side of History]: a collection of articles and materials. Ed. by M. Lipovetsky, A. de La Fortelle. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie (Nauchnaya biblioteka), 2020, pp. 200–210. (In Russ.)
- Dunaevskaya O. Kogda chasy ostanovilis' [When the clock stopped]. *Vladimir Sharov: Po tu storonu istorii* [Vladimir Sharov: On the Other Side of History]: a collection of articles and materials. Ed. by M. Lipovetsky, A. de La Fortelle. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie (Nauchnaya biblioteka), 2020, pp. 9–22. (In Russ.)
- Lipovetsky M. Teologiya terrora: istoricheskiy metazyuzhet v romanakh Sharova [Theology of terror: Vladimir Sharov's historiographic metafiction]. *Vladimir Sharov: Po tu storonu istorii* [Vladimir Sharov: On the Other Side of History]: a collection of articles and materials. Ed. by M. Lipovetsky, A. de La Fortelle. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie (Nauchnaya biblioteka), 2020, pp. 177–199. (In Russ.)
- Platonov S. F. *Lektsii po russkoy istorii* [Lectures on Russian History]. Introd. art. by A. N. Fuks. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1993. 736 p. (In Russ.)
- Platonov S. F. *Drevnerusskie skazaniya i povesti o smutnom vremeni XVII veka kak istoricheskiy istochnik* [Old Russian Tales and Stories about the Time of Troubles of the 17th Century as a Historical Source]. Moscow, Publishing House of V. S. Balashev, 1888. 372 p. (In Russ.)
- Sharov V. A. *Iskushenie revolyutsiei (russkaya verkhovnaya vlast')* [The Temptation of Revolution (Russian Supreme Power)]: an essay. Moscow, 2009. 240 p. (In Russ.)
- Sharov V. A. Oktyabr' semnadsatogo i konets istorii [The October of 1917 and the end of history]. *Perekrestnoe opylenie* [Cross-Pollination]. Moscow, ArsisBooks Publ., 2018, pp. 77–93. (In Russ.)
- Sharov V. A. *Problemy sotsial'noy i politicheskoy istorii Rossii vtoroy poloviny XVI – nachala XVII vv. v trudakh S. F. Platonova*. Diss. kand. ist. nauk [Problems of social and political history of Russia in the second half of the 16th – beginning of the 17th centuries in the works of S. F. Platonov. Cand. hist. sci. diss.]. Moscow, 1984. 179 p. (In Russ.)
- Sharov V. A. *Repetitsii* [Rehearsals]. Moscow, AST Publ., 1992. 134 p. (In Russ.)
- Sharov V. A. *Vozvrashchenie v Egipt* [Return to Egypt]. Moscow, AST Publ., 2013. 759 p. (In Russ.)
- Sharov V. A. *Perekrestnoe opylenie* [Cross-Pollination]. Moscow, ArsisBooks Publ., 2018. 109 p. (In Russ.)
- Shmidt S. O. Sergej Fyodorovich Platonov. *Portrety istorikov: Vremya i sud'by* [The Portraits of Historians: Time and Fates]: in 2 vols. Moscow, Ierusalim Publ., 2000, vol. 1. Otechestvennaya istoriya [Patriotic history], pp. 100–135. (In Russ.)
- Etkind A. Vladimir Sharov kak istorik [Vladimir Sharov as a historian]. *Vladimir Sharov: Po tu storonu istorii* [Vladimir Sharov: On the Other Side of History]: a collection of articles and materials. Ed. by M. Lipovetsky, A. de La Fortelle. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie (Nauchnaya biblioteka), 2020. pp. 164–176. (In Russ.)
- Emerson C. Vladimir Sharov on History, Memoir, and a Metaphysics of Ends. *Slavic and East European Journal*, 2019, issue 63.4, pp. 597–607. (In Eng.)

'I'm a historian by training...'. History in the Scientific, Journalistic and Literary Discourses of Vladimir Sharov

Marina P. Abasheva

**Professor in the Department of Cultural Studies and Social and Humanities-Based Technologies
Professor in the Department of Journalism and Mass Communication Perm State University**

15, Bukireva st., Perm, 614068, Russian Federation. m.abasheva@gmail.com

**Professor in the Department of Theory, History of Literature
and Methods of Teaching Literature**

Perm State Humanitarian-Pedagogical University

24, Sibirskaya st., Perm, 614990, Russian Federation

SPIN-code: 2169-4629

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5720-7916>

Oksana A. Kiose

Senior Lecturer in the Department of Foreign Languages and Public Relations

Perm National Research Polytechnic University

29, Komsomolsky prospekt, Perm, 614990, Russian Federation. oks_kiose@mail.ru

**Postgraduate Student at the Department of Theory, History of Literature
and Methods of Teaching Literature**

Perm State Humanitarian-Pedagogical University

24, Sibirskaya st., Perm, 614990, Russian Federation

SPIN-code: 9500-1929

ResearcherID: P-8012-2016

Submitted 12 Apr 2024

Revised 07 May 2024

Accepted 06 Jun 2024

For citation

Abasheva M. P., Kiose O. A. «Po obrazovaniyu ya istorik...». Istoriya v nauchnom, publitsisticheskom i khudozhestvennom diskursakh Vladimira Sharova ['I'm a Historian by Training...'. History in the Scientific, Journalistic and Literary Discourses of Vladimir Sharov]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2024, vol. 16, issue 3, pp. 111–119. doi 10.17072/2073-6681-2024-3-111-119 (In Russ.)

Abstract. The article deals with the historiosophic concept of Russian novelist Vladimir Sharov, namely with the origins of its formation. Discourse and narratological analyses of Sharov's texts reveal the evolution of his historical and philosophical concept and its variation depending on the type of discourse. The study identifies the principles of processing and representation of historical material in Sharov's scientific works (this paper is the first to examine his PhD thesis in detail), in his journalistic works and novels. Sharov's views as a thinker and his techniques as a writer begin to form in his academic historiographical study of historian S. F. Platonov's legacy: the author focuses on the problems of the Time of Troubles and adopts the approach of using private testimonies and literary texts as sources. Sharov's journalistic articles conceptualize and scale up the experience of his scientific historical research: the Time of Troubles is seen as an invariant of other instances of Russian turmoil; revolutions and changes of power are treated as recurring patterns; historical events are comprehended in the logic of religious, social, and political constants of Russian mentality. In the novels, these concepts become the background and the starting point for the unfolding of literary metaphors, fantasy assumptions and, eventually, the writer's profound insights. The study of Sharov's fictional texts leads to a conclusion that his prose is dominated by the metanarratives of messianism, eschatology, providentiality of Russia's path, and the cyclical nature of history. The conclusion is made about the decisive role of Sharov's historical research experience in the formation of his artistic method, about the mechanisms of transformation of historical discourse into fictional discourse, about the nature of Sharov's historiosophic concept, rooted in domestic culture, but having its own specificity.

Key words: historiosophy; Vladimir Sharov; modern literature; narrative organization of literary text.